

Р.Н. АБРАМОВ

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО НОСТАЛЬГИИ

Статья посвящена анализу теоретических подходов к исследованию ностальгии в социальных науках. Рост интереса к прошлому и феномену коллективной памяти способствовал более широкому обсуждению ностальгии как важного элемента взаимодействия индивидуального и общественного сознания с прошлым. Исчезновение советского блока в Центральной и Восточной Европе придало новый импульс ностальгическим настроениям, что повысило интерес исследователей к посткоммунистической ностальгии как массовому феномену. В статье делается обзор текущих концепций ностальгии и высказываются соображения по дальнейшей теоретической экспликации понятия.

Ключевые слова: ностальгия, коллективная память, эмоции, прошлое.

Сегодня прошлое и его отражение в коллективной и индивидуальной памяти — объект пристального внимания социальных наук, еще одно направление междисциплинарных исследований. Обращение социальных наук к различным модусам памяти и анализу восприятия прошлого в немалой степени обязано французской истории и социологии, включая историческую школу Анналов, классические работы М. Хальбвакса [28], современные идеи П. Нора [48] и др., которые много сделали для концептуализации центральных понятий в исследованиях прошлого — социальной и коллективной памяти. По данной теме написано множество работ, создан международный академический журнал “Memory Studies”; в последние годы соответствующие

Абрамов Роман Николаевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов факультета социологии НИУ «Высшая школа экономики». **Адрес:** 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20, кафедра анализа социальных институтов НИУ ВШЭ.
Электронная почта: roman_na@mail.ru

исследования разворачиваются и в России¹. В статье мы будем обращаться к соответствующему дискурсу, прежде всего в той его части, которая имеет непосредственное значение для экспликации одного из важнейших понятий в исследованиях прошлого — понятия «ностальгия».

В свою очередь значимость концепта «ностальгия» определяется тем, что он может стать эффективным объяснительным ресурсом для понимания трансформаций массового сознания и персональных идентичностей в период перехода советского общества к постсоветскому состоянию. Этот период характеризуется масштабными ценностными, институциональными, экономическими и социокультурными разрывами, отразившимися в биографиях всех жителей бывшего СССР. Именно в такие периоды возникают ностальгические волны, призванные смягчить фантомные боли безвозвратно утраченного недавнего прошлого. Кстати, уже появился ряд исследований [7; 10; 11; 15], посвященных отношению жителей России к советскому периоду. Зачастую их результаты интерпретируются на основе обыденных представлений, без соответствующей аналитической оснастки, то есть вне релевантного понимания смысла ностальгии.

Российские медиа также активно эксплуатируют тему недавнего советского прошлого, которая стала ходким коммерческим товаром на рынке телепродукции, печатных изданий, кино². Этот феномен российской культуры может быть осмыслен в том числе посредством оптики социальной памяти и ностальгии. Тем более что в последнее десятилетие появилось много публикаций, авторы, которых стремятся переосмыслить и обогатить понятие ностальгии новым содержанием, вписав его в актуальный тезаурус социальных наук³. Наша статья в значительной степени опирается на анализ этой литературы.

История понятия «ностальгия»

Подобно многим концептам в социальных науках («идеология», «ценности», «социальные институты» и др.) понятие «ностальгия» пережило несколько эпистемических превращений, совершив путешествие по различным научным дисциплинам.

Современные определения ностальгии носят ценностно-нейтральный характер, из них практически элиминированы исторически сложившиеся негативные коннотации медикалистского и психиатрического свойства. Концепция ностальгии уходит корнями в XVII век,

¹ Один из самых впечатляющих и емких теоретических обзоров по теме сделан Е. Трубиной в сборнике «Власть времени: социальные рамки памяти» [24]. Заслуживают внимания также следующие работы: [19; 20].

² См., например: [1].

³ См., например: [4; 5; 8; 17; 18; 25].

когда в 1688 году швейцарский врач Дж. Хофер впервые использовал термин ностальгия (от греческих *nostos* — возвращение домой и *algos* — болезненное состояние), описывая потенциально фатальную форму тоски по дому, распространенную среди швейцарских наемных солдат, служивших вдали от родины [45; 60]. Психологические манифестации ностальгии, кроме того, связывались с беспокойством и меланхолией, а сама ностальгия рассматривалась как причина физического нездоровья, включая слабость, анорексию, лихорадку. В 1732 году немецко-швейцарский врач Й. Шехзер (Scheuchzer) объяснял причины симптомов ностальгии резкими перепадами атмосферного давления, вызывающими отток крови от сердца к мозгу и сопровождающимися переменами настроения [53]. В течение XVII–XVIII веков случаи ностальгии были диагностированы среди личного состава почти всех армий европейских стран; эти случаи рассматривались как важный индикатор морально-психологического духа солдат и офицеров. Например, Наполеон запрещал солдатам Великой армии во время военных походов играть народную музыку своего региона, полагая, что ностальгия способствует моральному разложению войск и даже может повлечь бегство с поля боя.

Постепенно ностальгия перестала ассоциироваться с недугами, возникающими в армейской среде. Тем не менее, в течение XIX века ностальгия по-прежнему рассматривалась в медикалистском ключе — как болезнь, возникающая у различных групп населения, подолгу находящихся вдали от родного дома: рабочих-иммигрантов, заводских рабочих — выходцев из деревни, других бывших деревенских жителей, получивших опыт миграции в результате индустриализации, — что позволило сместить акцент в понимании ностальгии с жестко медикалистского, физиологического — к эмоциональному, в большей мере связанному с психическими и психологическими расстройствами⁴. Симптомами такого рода расстройства стали рассматриваться тревога, уныние и бессонница. В психотерапии ностальгию считали подсознательным желанием возвращения на более раннюю стадию жизни, и обозначали как одну из форм репрессивного компульсивного расстройства (*repressive compulsive disorder*). Вскоре ностальгия была низведена до одного из вариантов депрессии, обозначаемой как чувство потери и горя, связанных с тоской по родине⁵.

В XX веке тоска по прошлому становится определяющей метафорой, описывающей смысл ностальгии, что означало переход от её *пространственной* дислокации к *временной*. Современное понятие

⁴ Интересна диссертация известного немецкого философа К. Ясперса, посвященная связи ностальгии и преступлений [30].

⁵ Более детальный обзор понятия «ностальгия» см. в: [53].

ностальгии используется в обоих смыслах: как персональная утрата идеализированного прошлого и тяга к нему, так и в качестве интеллектуально-эмоционального конструкта, искажающего публичную версию определенного исторического периода или определенной социальной формации прошлого. Ностальгия тесно связана с понятиями социальной, коллективной или культурной памяти, объясняющими то, каким образом производятся, изменяются, усваиваются и легитимируются воспоминания в пределах определенной социокультурной общности [50].

Многообразие ностальгических переживаний

Исследователи сходятся в оценке причин роста ностальгических настроений в обществах второй половины XX века, независимо от их истории, культурных особенностей, экономического и политического режима [36; 37; 38; 50; 51].

– Урбанизация и индустриальное развитие привели к росту миграции и разрыву целых поколений с традиционным жизненным укладом. «Потерявшие» прошлое горожане ищут в ностальгии по «старым добрым временам» убежище, защищающее от жизненных стрессов в современном городе, преодолевая таким образом кризис идентичности. Можно сказать, что ностальгия смягчила переход от *Gemeinschaft* (общности) к *Gesellschaft* (обществу), то есть от «культуры народности» и «духовной общности» к «культуре государственности», где отсутствует органическое единство [26; 36].

– Ускоренная модернизация, сопровождающаяся трансформацией большинства политических, социальных и экономических институтов, привела значительные социальные и этнические группы к необходимости быстрой социальной адаптации к изменившимся условиям жизни. На этом фоне недавнее прошлое невольно казалось тихой бухтой стабильности и предсказуемого социального устройства, что также способствовало росту ностальгических настроений, которые служили эмоциональной анестезией в ситуации неопределенности, порожденной процессами модернизации.

– Современные медиа (прежде всего телевидение и киноиндустрия) увидели в ностальгических образах большой коммерческий потенциал, благодаря чему вновь и вновь появляются документальные и художественные фильмы, в которых детально реконструируется «атмосфера незабываемых семидесятых, шестидесятых, пятидесятых». Так возникает лакированная версия прошлого, привлекающая широкую аудиторию.

– Нынешнее общество потребления, основанное на принципе «одноразового товара», где вещи и предметы обихода быстро морально устаревают и требуют замены, повысило символическую ценность вещей из прошлого, которые воспринимаются как «аутентичные»,

«насыщенные историей», «вечные». Результатом этого стало возникновение индустрии не просто «олдскульных»⁶ товаров и одежды, но «винтажных» вещей, источником приобретения которых становятся лавки старьевщиков, блошинные рынки, гаражные распродажи, комиссионные магазины. Ностальгия обрела вполне ощутимое коммерческое измерение [36].

– Общества XX века столкнулись с серией глобальных катастроф, главными из которых были две мировые войны, унесшие жизни десятков миллионов людей и оставившие след в биографиях значительной части населения Земли. Ностальгия помогала справляться с этим травматическим опытом, обращая людей к грезам об ушедшем спокойном прошлом.

М. Чез и К. Шау в известной работе «Измерения ностальгии» [35] называют три условия возникновения ностальгии: во-первых, принятый в современных западных обществах взгляд на время как линейное с неопределенным будущим; во-вторых, ощущение дефектности настоящего, вызывающего недовольство общества или отдельных его групп и провоцирующего ностальгическое обращение к прошлому; в-третьих, наличие материальных свидетельств (вещей, архитектуры, изображений), соответствующих ожиданиям ностальгирующих. Можно сказать, что современные общества с их идеологией непрерывных изменений и инноваций во всех сферах жизни при одновременном размывании традиционных систем ценностей, способствуют росту ностальгических настроений, которые снимают стресс у целых поколений и отдельных индивидов, вызванный дезориентацией в неопределенном настоящем при еще более неопределенном будущем.

Сегодня ностальгия анализируется в сложной системе координат, одновременно затрагивающей социальное, символическое, социокультурное и психологическое измерения этого феномена. Социальное измерение ностальгии включает *персональный*, *коллективный* и *социетальный* уровни. На персональном уровне индивид связывает свои личные воспоминания и переживания о прошлом с более широким социокультурным и историческим контекстом, встраивая собственную биографию в это контекст посредством личных впечатлений о прошлом, устных нарративов и воспринятых медиаобразов, образующих стереотипизированный дух времени. Персональный уровень тесно связан с индивидуальными эмоциональными переживаниями относительно утраченного прошлого и персональными реконструкциями памяти о нем. Коллективный уровень подразумевает наличие общей памяти и ностальгических воспоминаний, локализу-

⁶ Новые товары (чаще всего бытовая техника и электроника, а также одежда), которые стилизованы под дизайн 1950–1980-х годов.

ющихся в пределах групп, близких по биографическому личному опыту индивида: это может быть история семьи или другой локальной группы — школьного класса, трудового или армейского коллектива, дворовой компании, религиозной общины и т. п. Ностальгические практики возникают как система уникальных воспоминаний о событиях, людях, материальных объектах, которые схожим образом интерпретируются и эмоционально воспринимаются представителями данного локального сообщества. Ностальгия связана не только с ретроспективным возвращением в «светлое» прошлое (например беззаботную студенческую юность), но и с поддержанием общей идентичности посредством формирования уникального символического пространства ностальгии. На социетальном уровне ностальгические волны объединяют значительные социальные группы и могут охватывать целые общества, как в случаях переживания постимперской травмы, например в Веймаровской Германии или Великобритании 1940–1950-х годов. Знакомая жителям бывшего СССР постсоветская ностальгия относится именно к этому типу, хотя и преломляется на персональном и коллективном уровнях⁷. Нередко социетальная ностальгия служит выражением идеологии и утопического мышления, взывая к утраченным лучшим временам, былому величию страны, социального сословия, класса или поколения. В литературе и массовой культуре этот род ностальгии широко эксплуатируется с помощью клишированных и отретушированных образов эпохи или поколения.

Не утратила своего влияния и психологическая интерпретация ностальгии, о чем свидетельствуют публикации группы исследователей из Великобритании и США (координатор проекта — К. Седикидес) [52; 53; 54; 60; 61]. Исследователи выделили несколько экзистенциальных функций ностальгии. Во-первых, ностальгия поддерживает идентичность, возвращая индивида к воспоминаниям о прекрасном прошлом, что позволяет преодолеть ощущение собственной посредственности. Во-вторых, ностальгия участвует в поддержании смысла значений (sense meaning) путем идентификации личностных представлений с широким культурным мировоззрением. Например, ностальгия может стать спасением от чувств одиночества и отчуждения, поскольку смягчает экзистенциальные страхи, через систему гражданских, семейных или религиозных культурных традиций и ритуалов: от коллекционирования старых поздравительных открыток или военных реликвий до трапезы в День Благодарения, Рождественского ужина и участия в школьных «огоньках». В-третьих, ностальгия укрепляет родственные связи, восстанавливая и поддерживая символические контакты со значимыми другими. Образы про-

⁷ По теме постсоветской ностальгии см.: [4; 14; 21; 29].

шлого оживают и становятся частью настоящего индивида через семейные нарративы, фотоархивы, реликвии. В целом согласно К. Седикидес и его коллегам ностальгия является универсальным эмоциональным опытом, разделяемым представителями различных возрастных, этнических и социальных групп [53].

Детские воспоминания также относятся к психологическому измерению ностальгии. М. Хальбвакс отмечал, что детство является исключительно важным периодом для формирования оснований коллективной памяти, поскольку «воспоминания нашего детства подобны стереотипным отпечаткам», запечатленным на «скрижалях нашей памяти» [27, с. 41]. Персональный опыт ностальгии обычно включает вдохновляющие воспоминания детства как о беззаботном времени, когда жизнь казалась обращенной к единственно возможным семейным и человеческим отношениям, не обремененным юридическими и бюрократическими сложностями. Детство, таким образом, часто видится лишенным серьезных экзистенциальных проблем, хотя в действительности не избавлено от трудностей и напряжений [37]. Вполне возможно, с этим связан феномен «поколения 76–82»⁸, представители которого являлись одними из активных участников виртуальных сообществ, посвященных ностальгии по позднему советскому времени 1970–1980-х годов⁹.

По мнению антропологов [37], в самом обобщенном виде индивидуальный опыт ностальгии включает сентиментализированную тягу к прошлому. Прошлое, прошедшее ностальгическую обработку, представляет собой комбинацию запомнившегося, воображаемого и реинтерпретированного ушедшего, которое в памяти выглядит более позитивным, приятным и безоблачным по сравнению с тем, каким оно было в действительности. Ностальгическая картинка прошлого нередко выглядит как фотография, прошедшая обработку в известной программе Instagram, которая с помощью набора специальных фильтров придает кадрам повседневной жизни, снятым на смартфоны, романтизированный вид состаренного фото в стиле Kodak Instamatic и Polaroid. Сама популярность этого программного продукта служит отражением всеобщей тяги к ностальгизации настоящего, переноса своей обыденности в улучшенное, воображаемое прошлое.

Еще один атрибут ностальгии — привязка к *реконструированному* прошлому, поскольку история открывается нам в дискурсивной перспективе, и даже самые точные отсылки к документационной базе

⁸ Один из первых крупных интернет-проектов, посвященных ностальгическим воспоминаниям о советском детстве 1970–1980-х годов., назывался «Энциклопедия советского детства»; его целевой аудиторией были те, кто родился в 1976–1982 годах. См.: <<http://www.76-82.ru/>>.

⁹ О ностальгическом сегменте блогосферы см.: [1].

не способны победить исторические мифы. Ностальгия опирается на позитивные реконструкции прошлого, в которые включены детали, вызывающие положительные эмоции, ассоциирующиеся с чем-то приятным в прошлом. М. Смит [54] считает, что прошлое видится более стабильным, нежели настоящее. Поэтому образы прошлого привлекаются для того, чтобы справиться с последствиями культурных изменений и потерянной идентичности. Это способствует романтизации образов прошлого. В. Фишер полагает, что категория ностальгии может быть понята как метаисторический путь присвоения прошлого, который обусловлен определенным культурным контекстом [41]. По мнению Туана, «культ прошлого скорее вызывает к жизни иллюзии, нежели аутентичности» [59, р. 194]. Однако ностальгия далеко не всегда характеризовалась только в связи с положительными эмоциональными переживаниями [52]. Нередко она рассматривалась как чувство утраченного времени с оттенком печали — горько-сладкие желания, находящиеся на пересечении пространства и времени.

Известный теоретик ностальгии С. Бойм выделяет два ее типа [34]: ресторативную, восстанавливающую (*restorative*) — «они разрушили все, что у нас было» и рефлексивную (*reflective*) — «как хорошо было тогда, жаль, что нельзя вернуться». Первая представляет собой скорее сожаление о том, что произошли какие-то изменения, и именно смена порядка вещей беспокоит людей; во втором случае речь идет как раз о переоценке значимости событий прошлого. Первый тип ностальгии направлен на объект чувства, на его идеализацию; ностальгическое повествование в таком случае становится тотальным, претендующим на передачу «правды жизни» [3]. Во втором случае важно само переживание о прошлом, его переосмысление. Этот тип ностальгии не предполагает абсолютной идеализации прошедшего, образы могут быть неоднозначными, но переживается сама невозможность воспроизвести ушедшее или вернуться в прошлое. Ностальгия предполагает фундаментальную оппозицию того *как было* и того *как сейчас* [62]. С. Тэннок говорит о том, что ностальгия по природе своей является «периодизирующей» эмоцией, она проводит границы между разными веками в истории, и важно, что эта граница четко различима: иначе невозможно понять, когда закончилось счастливое прошлое [57]. То есть ностальгия связана со своеобразной дискретной хронологической шкалой, на которой расположены «счастливое прошлое», «точка перехода» и «настоящее, где всё не так хорошо, как раньше». С этой точки зрения, не всякие воспоминания представляют собой ностальгию, которая предполагает символический перелом, точку разрыва прошлого и настоящего. Получается, что в подобной интерпретации ностальгия обязательно включает в себя драматизацию, сгущение красок: идеализация одного периода

означает его очищение от примесей негативного настоящего с целью четкого противопоставления [56]. Конечно, у прошлого есть свои недостатки, было и плохое (которое не всегда исчезает из ностальгических воспоминаний), но оно не заслуживает внимания. Когда прошлое явным образом отделено от настоящего, оно служит сохранению групповой идентичности, которую мог нарушить перелом: «пусть сейчас мы забыли об этом, но раньше мы были вместе, мы были заодно, и когда-нибудь мы об этом вспомним, потому что ты и я — мы не такие уж разные на самом деле» [43]. В этом отношении позднее советское время стало тем «золотым веком», к которому обращаются в поисках утраченной эмоциональной стабильности и смысловых точек опоры в океане постсоветской неопределенности.

Одной из наиболее значимых и по сей день цитируемых работ, где ностальгия рассматривается в социологической перспективе, стала книга Ф. Дэвиса «Тоска по Вчерашнему: социология ностальгии» [39; 40; 42; 49]. Автор делает важное структурное различие между «восходящими порядками» ностальгии: простая (идеализация прошлого), рефлексивная (критический анализ ностальгии, ее соответствие прошлому) и интерпретативная [39, р. 24]. Ф. Дэвис указывает на функциональность ностальгии, поскольку она, как и коллективная память, служит поддержанию групповой идентичности. Однако, в отличие от социальной памяти, ностальгия является не знанием о прошлом, а эмоциональным переживанием прошлого, которое, между тем, остается связанным с коллективными «воспоминаниями». Он проясняет, почему из психологического недуга, которым ностальгия виделась до XX века, она превратилась в *социальную* эмоцию. Тоска по дому (или по своему прошлому в нем), ощущаемая людьми, перестала восприниматься как сфера личных психологических переживаний, но стала социальным феноменом, а сама ностальгия стала массовой — целые поколения людей тоскуют по ушедшим временам и романтизируют их. Ф. Дэвис связывает это с развитием массмедиа в XX веке: именно они способны создавать общий символический контекст для большой массы людей, существенно влияют на содержание социальной памяти и способствуют изменению эмоциональной окраски событий. Эти рассуждения Ф. Дэвиса наводят на размышления о связи коммуникативной рамки, или дискурса, и социальных эмоций, таких как ностальгия. Использование языка в медиа может многое сказать «о социальных смыслах, транслируемых посредством языка и коммуникации» в целом [33, р. 7]. Неопределенность смысла жизни может также ассоциироваться с ощущением отсутствия эмоциональных связей с другими людьми. Ф. Дэвис считает, что коллективная ностальгия нередко является реакцией на ситуацию культурного перехода, когда массы людей сталкиваются с чувствами одиночества и отчуждения [39, р. 141]. Ностальгия становится частью «коллективного поиска

идентичности», который «смотрит скорее назад, а не вперед, обращается к традиции, а не новизне, стремится к определенности, а не к открытиям чего-то нового» [39, р. 107–108].

Н. Маркос демонстрирует связь ностальгии с политическим мышлением, где ностальгия является особым способом мифологизации истории [47]. В данном случае концепт ностальгии переплетается с идеей исторической памяти и утопического мышления «это попытка преодолеть необратимость истории и превратить историческое время в мифологическое пространство» [3]. С. Стюарт заявляет: «ностальгия, подобно другим формам нарративов, всегда идеологична» [56, р. 23]. В классификации ностальгии, предложенной сторонником культуросоциологического подхода Д. Бартмански, этот взгляд на ностальгию называется «теорией неудавшейся утопии» [13, с. 71; 32].

Ностальгические проекции сентиментализированного прошлого создают то, что Э. Хобсбаум и Т. Ренжер назвали «изобретением традиции»¹⁰. Этот термин не означает, что такие традиции обязательно являются ложными, но скорее подчеркивает то, что прошлое постоянно переосмысливается и переизобретается в соответствии с запросами настоящего [37]. Д. Лоуэнталь считает катализатором ностальгии эскапистские настроения: «Великие перемены пропитали ностальгией все вокруг. Революционные взрывы разделили прошлое и настоящее. После гильотины и Наполеона весь предыдущий мир казался невообразимо далеким — а оттого еще более дорогим» [16, с. 42]. В классификации Д. Бартмански подобные описания ностальгии могут быть объединены в «теории напряжения» стремящиеся «выправить социально-психологический дисбаланс», который возникает вследствие масштабных социальных изменений и разбалансированности структуры общества [13, с. 71; 32]. Н. Самутина развивает это определение с позиции переживания истории как травматического опыта, нуждающегося в терапии [22, с. 37].

Известный философ культуры Ф. Джеймисон рассматривает ностальгию как симптоматичный в эпоху постмодерна «кризис историчности», где неспособность справиться со временем и историей превращается в политичную реконструкцию прошлого как бесконечную коллекцию образов [44, р. 18–25]. Ностальгия трактуется либо как «органическая генеалогия коллективного буржуазного проекта», либо как форма «искупительной историографии» [44, р. 18]. Автор полагает, что ностальгия и пастиш являются центральными чертами индустрии образов периода позднего капитализма: «...писатели и художники

¹⁰ «Изобретение традиции — это процесс формализации и ритуализации, с которыми связано обращение к прошлому, пусть даже происходящее за счёт обязательных повторений» [58, р. 2–3].

наших дней более не способны изобретать новые стили, поскольку эти последние уже были изобретены; возможно только ограниченное число комбинаций; наиболее уникальные из них уже были продуманы. Так бремя целой эстетической традиции модернизма — ныне мертвой — “давит своей тяжестью на разум живущих подобно кошмару”, как некогда выразился Маркс в другом контексте. Отсюда вновь — пастиш: все, что нам осталось в мире, где стилистические инновации более невозможны, — так это имитировать мертвые стили, говорить через маску голосом этих стилей из воображаемого музея» [6]. Ностальгия перестает быть эмпирической репрезентацией исторического прошлого, как это происходило в эпоху модерна; в постмодернистскую эпоху она становится способом присвоения и ассимиляции «прошлого» через стилистическую коннотацию, передачи «архаичности» посредством глянцевого образа современной киноиндустрии [44, р. 19].

Наконец, заслуживающая внимание классификация теорий ностальгии предложена российским культурологом И.М. Каспэ [12], которая пытается кроме всего прочего увязать «реальное» и «воображаемое» в ностальгических реминисценциях с «персональным» и «коллективным» уровнями репрезентации ностальгии: «Образ прошлого, который конструируется ностальгически, опирается на отсылку именно к личному, персональному, прямому опыту (“видел своими глазами”, “я так помню”, “я так чувствую”), и одновременно, в большей или меньшей степени — апеллирует к общим, коллективным стереотипам, к тому, что может быть узнано и разделено другими». «Воображаемое» в ностальгических воспоминаниях не может быть гармонично интериоризировано без связи с узнаваемым опытом и памятью. Ностальгия также связывается с производством структуры персональной и коллективной идентичности, предопределяя форматы выбора предпочитаемого прошлого.

Заключая обзор современных подходов к пониманию ностальгии, мы должны отметить, что сложность релевантной интерпретации этого феномена связана с его комплексностью: он проявляет себя как внутренние эмоциональные переживания, одновременно служит формированию и поддержанию социальной идентичности, а также является удобным объектом эксплуатации структурами СМИ. Помимо этого, ностальгия становится элементом политических идеологий и принимает формы утопического мышления, объединяя вместе реальные воспоминания, грезы об утраченном прошлом и навеянные медиа клишированные образы прошлого.

Между коллективной памятью и личностным опытом

Продемонстрированное выше разнообразие дефиниций и классификаций ностальгии заставляет задуматься о перспективах аналитической

операционализации этого понятия: кажется, что ностальгия становится просто модным лейблом, означающим возможные эмоциональные отношения к прошлому и памяти о нем. Каким же образом применять столь многозначное понятие в исследовательской практике? Наш опыт работы с материалами, относящимися к ностальгии по недавнему советскому прошлому, дает возможность сделать некоторые ремарки относительно аналитических границ ностальгии.

Трудно отрицать тесную связь ностальгии с памятью, в первую очередь коллективной памятью в понимании М. Хальбвакса и коммуникативной коллективной памятью в классификации Дж. Ассмана [31]. Ностальгия — это не просто воспоминания о прошлом в позитивном ключе, но эмоционально обогащенное виртуальное погружение в прошлое, которое связано не с «выученными» фактами, а с близкими к биографическому опыту переживаниями и устными историями.

Важны два ключевых момента: эмоции и связь с личной биографией. Эмоции — необходимое сопровождение ностальгических грёз, не только потому, что научная история ностальгии уходит своими корнями в психиатрию и физиологию, но и вследствие особого качества восприятия фактов и образов прошлого, расцвеченных эмоциональными переживаниями — тоской, грустью, радостью, а возможно, даже стыдом или ненавистью. И если коллективная и коммуникативная память в большей мере соотносятся с поддержанием социальной идентичности, то ностальгия носит более персонализированный характер, что не исключает групповых форм ностальгических переживаний. В связи с этим рискованно предположить, что укорененность в семейной или личной истории является другой характеристикой ностальгии. Имеется в виду как личный опыт проживания в прошлом, ставшем объектом ностальгии, так и увязанность памяти об этом прошлом с биографическими и семейными нарративами, которые воспроизводятся как устная история [см.: 23].

Например, предметом нашего исследования были ностальгические сообщества в российской блогосфере, посвященные периоду жизни в СССР 1960–1980-х гг., то есть главным образом застою [1]. Наблюдения за постами и комментариями в ностальгическом сегменте блогосферы показали, что даже молодые люди, интересующиеся эпохой, которую многие из них застали в раннем детстве, рассматривают это время, пропуская его через восприятия и рассказы родителей и родственников старшего поколения. Дело не только в большом доверии к мнению близких, но в особой эмоциональной окраске, появляющейся в описании ушедшего времени, когда это описание инкорпорировано в личный опыт рассказчика. Так, для большинства молодых людей принятие брежневской конституции в 1977 году остается

малозначимым сухим историческим фактом, но если этот факт сопровождается рассказом свидетеля эпохи, например о каком-нибудь забавном случае, произошедшем на одном из многочисленных собраний трудовых коллективов, одобрявших основные положения нового основного закона СССР, то это уже может открыть воображаемое окно для ностальгии. Конечно, в эпоху медиатизации довольно сложно отделить семейные истории и даже личные воспоминания от образов, сконструированных медиа и воспринятых индивидом: кино, телевидение и массовая пресса (ре)конструируют прошлое столь искусно, что личные воспоминания успешно замещаются историями, ситуациями, образами, почерпнутыми из СМИ. И вполне возможно, что о повседневности «золотой молодежи» 1970-х годов судят не по свидетельствам очевидцев, а, например, по фильму К. Шахназарова «Исчезнувшая Империя»¹¹ или телесериалам «Восьмидесятые»¹² и «Обратная сторона Луны»¹³. Ностальгия по советскому прошлому как раз относится к тем случаям, когда медийные образы того времени переплетаются с рассказами современников, документальными и материальными артефактами.

В связи с нашим заключением об эмоциональном характере ностальгии и её укорененности в биографическом опыте возникает несколько вопросов, один из главных среди которых — вопрос о временных границах ностальгических переживаний. Иными словами, можем ли мы назвать ностальгической тоску по России Серебряного века или наполеоновской Франции и как соотносится этот тип переживаний с воспоминаниями о собственном детстве или молодости родителей? На наш взгляд, хронологические границы меняют модус ностальгии, переводят из сферы глубоко интериоризированного эмоционального опыта сопереживания истории как части собственной биографии в область мифологической, квазиутопической реконструкции, где вера в желаемое прошлое важнее воспоминаний о том, как именно это прошлое было устроено и что лично индивида с ним связывает. Чем более отдалены времена от настоящего, тем в большей мере ностальгия становится скорее формой коллективной культурной памяти или ретроутопией, нежели личным эмоционально-насыщенным переживанием прошлого.

¹¹ «Исчезнувшая империя». Худ. фильм. Мосфильм, 2008, реж. К. Шахназаров.

¹² «Восьмидесятые». Ситком. 12 серий. СТС, 2012, реж. Ф. Стуков.

¹³ «Обратная сторона луны». Сериал. Российская адаптация многосерийного телефильма BBC «Life on Mars». 16 серий. Первый канал, 2012, реж. А. Цекало.

Попробуем рассмотреть этот тезис на примере. В 2012 году отмечалось 200-летие Отечественной войны 1812 года. К этой дате приурочены различные мероприятия: реконструкции сражений, специальные медиапроекты, выпуск тематических книг, музейные экспозиции и т. д. В целом празднование даты было призвано напомнить гражданам России о великих свершениях прошлого и вполне успешно может быть охарактеризовано в терминологии коллективной культурной памяти. Такого рода ритуалы способствуют укреплению коллективной идентичности на уровне национального государства, воссоздают чувство общности, решают вопросы патриотического воспитания. При этом устная история войны 1812 года закрыта и этот период не может быть предметом биографически-детерминированной эмоциональной ностальгии, поскольку свидетелей тех событий уже давно нет с нами и судить о том времени мы можем лишь по сохранившимся документам, письмам, мемуарам. С точки зрения эмоционального восприятия той эпохи временной разрыв между нами и нашими предками — участниками и свидетелями тех событий — практически равноценен тому разрыву, который существует между нами и россиянами, жившими, во времена Ивана Грозного с поправкой на объемы доступных письменных и материальных источников. Поэтому ностальгия применительно к данному периоду может быть оценена либо как форма эскапистского ретроутопического мышления, либо как хобби в случае реконструкторов военной униформы. Фактически празднование этого юбилея уже не может происходить «со слезами на глазах», поскольку персональная эмоциональная связь с событием утрачена в силу временного разрыва.

Другое дело — период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Безусловно, здесь задействован мощный аппарат производства коллективной памяти: от многочисленных мемориалов и музеев до ежегодного Парада Победы и масштабного общероссийского праздника¹⁴. Кроме того, в отличие от войны 1812 года до сих пор практически в каждой семье хранятся не только материальные свидетельства времен Великой Отечественной (вещи, награды, фотографии), но главное — устные свидетельства представителей старшего поколения. То есть существует пространство и для коммуникативной коллективной памяти и для ностальгии, которая может возникать и по поводу трагических, но ярких исторических событий.

Пожалуй, именно сейчас, вместе с уходом поколения ветеранов и старения поколения военных детей, постепенно становится заметным

¹⁴ О формировании ритуалов празднования Дня Победы в СССР и в постсоветское время см.: [29; 46].

переход воспоминаний об этом времени в разряд исторической мифологии и коллективной памяти, зафиксированной посредством развитых ритуалов коммеморации¹⁵. Устная история и семейные нарративы иссекают по мере отдаления от времени, когда происходили те события, и сегодня мы скорее воспринимаем их с помощью медиа, свидетельств историков и музеефицированных свидетельств и артефактов, нежели по рассказам наших близких. Соответственно, эмоциональные сопереживания уже не будут столь острыми, так же как и включенность в контекст времени. Это не означает забвения, но означает переход определенного отрезка прошлого в другое качество коллективного восприятия. Аналогичным примером может стать интеллигентская ностальгия о периоде Серебряного века и 1970-м годам: в одном случае можно тосковать по блестящим петербургским и московским артистическим гостиным и атмосфере декаданса, ссылаясь на мемуары; в другом — о ностальгии по интеллигентским кухонным посиделкам периода «застоя», которые для многих напрямую связаны с личными воспоминаниями.

Конечно, приведенные выше примеры различной трактовки ностальгии — как эмоционального погружения, связанного с биографией и различными формами коллективной памяти — являются уязвимыми, поскольку требуют более строгой эмпирической проверки. Вместе с тем подобная дифференциация говорит о потребности в дальнейшей проблематизации феномена ностальгии как объекта социальных наук. Наш обзор показал: в настоящее время ностальгия является хотя и востребованным, но недостаточно концептуализированным понятием, нередко отождествляемым с разнообразными формами коллективной памяти и выступающим в качестве метафоры особых отношений индивида с прошлым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Р.* «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // *INTER*. 2011. № 6. С. 88–102.
2. *Абрамов Р.Н., Чистякова А.А.* Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: по волнам

¹⁵ Исследователь и теоретик феномена коллективной памяти Я. Зерубавель называет коммеморацией многочисленные способы, «с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом. Коллективная память обретает плоть благодаря множеству различных форм “коммемораций”: юбилейным торжествам, чтению рассказов, участию в мемориальной службе по погибшим, соблюдению традиционных религиозных обрядов в праздничные дни» [9, с. 14].

- коллективной памяти // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1(6). С. 52–59.
3. *Бойм С.* Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: случай Ильи Кабакова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 90–100.
  4. *Воробьева А.В., Раскатова Е.М.* «Советское» в постсоветском культурном пространстве: структурно-типологический аспект // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. 2009. Вып. 4. С. 22–28.
  5. *Голованенко Е.А., Скварча О.Н.* Расширение семантического объема слова «ностальгия» в русском языке и включение его в новый круг семантической ассоциации // Вісник СумДУ. Філологічні трактати. 2011. Т. 3. № 2.
  6. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 4. С. 63–77.
  7. *Добрынина Е.* «Советский» да любовь // Российская газета. 02.02.2010 [<http://www.rg.ru/2010/02/02/sovetsky.html>].
  8. *Зборовский Г.Е., Широкова Е.А.* Социальная ностальгия: к исследованиям феномена // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 31–34.
  9. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 14.
  10. *Ильичев Г.* Демография против ностальгии. Чем моложе россияне, тем меньше они жалеют о распаде СССР // The New Times. 26 декабря 2011 г. № 44–45 (229).
  11. *Касамара В.А., Сорокина А.А.* Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 18–32.
  12. *Каспэ И.М.* «Съесть прошлое»: идеология и повседневность гастрономической ностальгии [электронный ресурс]. Дата обращения: 25.11.2012. URL: http://www.hse.ru/data/418/231/1226/Kaspe_Puti2008.pdf [Пути России: культура – общество – человек: Материалы Международного симпозиума (25–26 янв. 2008 г.). Т. XV. / Под общ. ред. А.М. Никулина. М.: Логос. 2008. С. 205–218].
  13. *Кобыща В.* Доминик Бартмански. «Успешные иконы эпохи, потерпевшей крах: переосмысливая посткоммунистическую ностальгию» (реферат) // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 71–78.
  14. *Кустарев А.* Золотые 1970-е — ностальгия и реабилитация // Неприкосновенный запас. 2007. № 2(52).
  15. *Левада Ю.А.* «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 6 (62). С. 7–13.
  16. *Лоуэнталь Д.* Прошлое — чужая страна / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, 2004.

17. Меримена М.А. Феномен ностальгии в теоретическом пространстве социо-гуманитарных наук // Аспирантский вестник Поволжья. 2009. № 1–2. С. 136–139.
18. Новиков Е.В. Лики ностальгии // Человек. 2006. № 3.
19. Рождественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // INTER. 2011. № 6. С. 27–48.
20. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2-х т. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2003–2006.
21. Сальников В. Советская тоска // Художественный журнал. 2010 (январь). № 5/76.
22. Самутина Н.В. Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино: Препринт WP6/2007/01. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
23. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М.: Весь Мир. 2003.
24. Трубина Е. Участь вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени: социальные рамки памяти / Под ред. В.Н. Ярской и Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 25–45.
25. Фенько А.Б. Ностальгия // Человек. 1993. № 6. С. 38–53.
26. Филиппов А.Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса // Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб: Владимир Даль, 2002. С. 386–446.
27. Хальбвакс М. Сновидения и образы-вспоминания // М. Хальбвакс. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 32–73.
28. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
29. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политический конструкт «Победа» в контексте феномена ностальгии по советскому // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. №3(11). С. 7–23.
30. Ясперс К. Ностальгия и преступления // Собрание сочинений по психопатологии. М.: Издательский центр «Академия»; СПб.: Белый Кролик, 1996. С. 8–123.
31. Assmann J., Czaplicka J. Collective memory and cultural identity // New German Critique. 1995. No. 65. P. 125–133.
32. Bartmanski D. Successful icons of failed time: Rethinking post-communist nostalgia // Acta sociologica. 2011. Vol. 54. No. 3. P. 213–231.
33. Bell A., Garrett P. Approaches to media discourse. Oxford: Wiley-Blackwell, 1998.
34. Boym S. The future of Nostalgia. New York: Basic Books, 2002.
35. Chase M., Shaw C. The dimensions of nostalgia // The imagined past: history and nostalgia / Ed. by M. Chase, C. Shaw. Manchester: Manchester University Press, 1989. P. 1–17.
36. Chrostowska S.D. Consumed by nostalgia? // SubStance. 2010. Vol. 39. No. 2 (Issue 122). P. 52–70.

37. *Creighton M.R.* Anthropology of Nostalgia // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2001. P. 10744–10746.
38. *Dames N.* Nostalgia and its disciplines: A response // Memory Studies. 2010. No. 3. P. 269–275.
39. *Davis F.* Yearning for yesterday: A sociology of Nostalgia. New York: Free Press, 1979.
40. *Fine G.A.* Review [Yearning for yesterday: A sociology of nostalgia by Fred Davis] // Contemporary Sociology. 1980. Vol. 9. No. 3. P. 410–411.
41. *Fischer V.* Nostalgie. Geschichte und Kultur als Trödelmarkt. Luzern and Frankfurt: C.J. Bucher, 1980.
42. *Fox W.S.* Review [Yearning for yesterday: A sociology of nostalgia by Fred Davis] // Social Forces. 1981. Vol. 60. No. 2 (special issue). P. 636–637.
43. *Houlden K.* Nostalgia for the past as guide to the future: Paule Marshall's the chosen place the timeless people // Memory Studies. 2010. No. 3. P. 253–261.
44. *Jameson F.* Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism. London: Verso, 1991.
45. *Jing W.* Nostalgia as content creativity: Cultural industries and popular sentiment // International Journal of Cultural Studies. 2006. No. 9(3). P. 359–368.
46. *Kangaspuro M.* The Victory Day in history politics // Between Utopia and Apocalypse. Essays on social theory and Russia / Ed. by E. Kahla. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2011. P. 292–305.
47. *Marcos P.N.* History and the politics of nostalgia // Jowa Journal of Cultural Studies. 2004. No. 5 (Oct.). P. 23–35.
48. *Nora P.* Between memory and history: Les lieux de mémoire // Representations. 1989. No. 26. P. 7–25.
49. *Panelas T.* Review [Yearning for yesterday: A sociology of nostalgia by Fred Davis] // The American Journal of Sociology. 1982. Vol. 87. No. 6. P. 1425–1427.
50. *Pickering M., Keightley E.* The modalities of nostalgia // Current Sociology. 2006. Vol. 54(6). P. 919–941.
51. *Radstone S.* Nostalgia: Home-comings and departures // Memory Studies. 2010. No. 3. P. 187–191.
52. *Sedikides C., Wildschut T., Arndt J., Routledge C.* Nostalgia past, present, and future // Current directions in psychological science. 2008. Vol. 17. No. 5. P. 304–307.
53. *Sedikides C., Wildschut T., Baden D.* Nostalgia: Conceptual issues and existential functions // Handbook of experimental existential psychology / Ed by J. Greenberg, S. Koole, T. Pyszczynski. New York: Guilford Press. 2004. P. 200–214.
54. *Smith M.E.* The process of sociocultural continuity // Current Anthropology. 1982. No. 23 (2). P. 127–42.
55. *Stewart K.* Nostalgia — a polemic // Cultural Anthropology. 1988. Vol. 3. No. 3. P. 227–241.

56. *Stewart S.* On longing — narratives of the miniature, the gigantic, the souvenir, the collection. Durham & London: Duke Univ. Press 1993.
57. *Tannock S.* Nostalgia critique // *Cultural Studies*. 1995. No. 9. P. 453–464.
58. The invention of tradition / Ed by. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 2–3.
59. *Tuan Y-F.* Space and place: The perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1977.
60. *Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C.D.* Nostalgia: Content, triggers, functions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. No. 91. P. 975–993.
61. *Wildschut T., Sedikides C., Routledge C.* Nostalgia — from cowbells to the meaning of life // *The Psychologist*. 2008. Vol. 21. Part 1 (January). P. 20–23.
62. *Wilson J.* Nostalgia: A sanctuary of meaning. Lewisburg, PA: Bucknell University Press, 2005.